

Суицид Советского Союза в 1991 г. Системные особенности и исторические параллели

Г. Вагнер

21 декабря 2011 г. исполнится 20 лет с тех пор, как Советский Союз перестал существовать формально. Этому событию будет посвящена Международная конференция, которая состоится в Кракове. По веским причинам на ней будут рассмотрены два основных вопроса: распад Советского Союза и последствия распада для Европы и мира. В дальнейшем, по причине представляющегося мне целесообразным ограничением рассматриваемого вопроса, я затрону лишь первую часть темы – распад Советского Союза. Я хотел бы попытаться подробно изложить ответ на вопрос, почему произошло это действительно всемирно-историческое событие, так как оно затронуло все страны мира, и какие параллели в современной европейской истории имел данный процесс распада мировой империи. При этом я поступлю следующим образом: сначала изложу мнения трех российских политиков, непосредственно связанных с распадом Советского Союза, – Владимира Владимировича Путина, Михаила Сергеевича Горбачева и Александра Николаевича Яковлева – и в поддержку их позиций приведу мнения трех немецких наблюдателей – Ульриха Друже, Герхарда Симона и Гельмута Альтрихтера. Затем кратко представлю мой собственный взгляд на распад Советского Союза. Я надеюсь, таким образом, озвучить исторические моменты, которые с ретроспективной точки зрения могут помочь немного лучше понять развал Советского Союза, одной из последних мировых империй, если не последней.

Очевидно, еще не пришло время критического рассмотрения исчерпывающих и систематических трудов, излагающих причины и последствия распада Советского Союза¹. Поэтому все, что мне остается в отношении русских авторов, – это суждения трех политиков, которые стали более или менее непосредственными участниками распада. Что они могут сообщить будущему поколению?

Комментарии к развалу Советского Союза.
Главные русские свидетели.

Стремление Путина вернуть России статус мировой державы. Мысль, которую бывший российский президент и сегодняшний премьер-министр Владимир Путин выразил в приписываемом

ему высказывании, заключается в том, что он считает распад Советского Союза «величайшей катастрофой XX века»². Он, конечно, произвел впечатление на своих соотечественников, но не выразил своего мнения о причинах и последствиях этого события. Тем не менее его политическую деятельность можно рассматривать, если угодно, как стремление по возможности сделать этот процесс, понимаемый им как поражение, обратимым, чтобы Россия снова смогла играть политически значимую в мировом масштабе роль. Во всяком случае, по его поведению нельзя сказать, что он собирается смириться с новым статусом России как державы средней величины и старается наилучшим образом использовать данную ситуацию.

Вагнер Гельмут – профессор Свободного Университета Берлина (ФРГ), автор монгочисленных работ по российско-германским отношениям. В 2011 г. в Москве был издан сборник его статей «Россия и Германия». E-mail: vestnik@mgimo.ru

Напротив, согласно Кристиану Випперфурту³, например, Путин в полной мере осознает границы мощи России и, как он сам заявил, не имеет никаких «имперских амбиций»⁴. Правда, это противоречит стремлению Путина вернуть России статус мировой державы, которое было воспринято многими наблюдателями всерьез. На это Россия с ее сегодняшними границами абсолютно не способна. В настоящей ситуации ей остается только интегрироваться в Европу, как поступили все бывшие европейские великие державы, чтобы остаться хотя бы частью мировой державы. Но если целью Путина действительно является «возвращение России былого величия»⁵, тогда ему не останется ничего иного, кроме как попытаться вернуть Украину и окружить себя венком из государств-сателлитов, так как иным образом получить статус «глобального игрока» в сегодняшнем мире нельзя. Другими словами, путинская Россия не намерена интегрироваться, вместо этого она будет добиваться интеграции других, как только это позволит ситуация. Именно это делает путинскую Россию потенциальной угрозой для международного мира.

Горбачев – несостоявшийся реформатор. Особый интерес представляет то, что может сказать Михаил Горбачев, последний Генеральный секретарь ЦК КПСС, первый и последний Президент СССР, о своем собственном восприятии распада Советского Союза. Я ссылаюсь прежде всего на его книгу «Распад Советского Союза»⁶, написанную в 1992 г. и тогда же изданную на немецком языке. Ему принадлежит высказывание о том, что он сделал все, что было в его силах, чтобы сохранить Советский Союз в новом облике и с новой структурой⁷. Прочитав его книгу, можно понять как причины его стараний сохранить Советский Союз в полностью измененном виде, так и причины того, почему ему этого сделать не удалось.

Согласно его собственным словам, через два года после того, как в 1985 г. он стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, Горбачеву стало ясно, что нельзя «совершенствовать старую систему», так как «реформы не будут работать, если не демонтировать весь режим»⁸. Уже после 25 декабря 1991 г., уйдя в отставку с поста Президента СССР, он написал, что постепенно пришел к осознанию того, что общество может задохнуться «в удушающей хватке административно-командной системы», ибо оно было приговорено к «службе идеологии»⁹.

Ему стало ясно, что прежняя система была «единым государством», в котором народы, их автономность, их государственность находились «под гнетом»¹⁰. И Горбачев собирался покончить с «действующим принципом», воплощение которого он видел в «структуре партия–государство», подчинившей себе всех, поглотившей «все общество, каждого человека»¹¹. Этой «ультрареволюционной модели социализма»¹² он собирался противопоставить общество, которое «политически и духовно освободилось от рабской зависимости». Очевидно, он собирался создать полностью но-

вую систему, в которой «больше не центр, а сами республики будут принимать решения о том, какие властные полномочия они хотят сохранить». Вполне понятно, что речь шла о «совершенно новом государстве»¹³.

В течение долгого времени у Горбачева сохранялась уверенность в том, что это будет одобрено отдельными республиками, если эта новая государственность сможет одновременно стать гарантом того, что в ней больше не будет царить идеологическая монополия, будет соблюдаться принцип разделения властей и будет введена рыночная экономика с частной собственностью.

Во время чтения этого места в его книге мне казалось, будто Горбачев стремился к созданию «сообщества суверенных государств» в стиле Европейского союза. Но с той лишь разницей, что он задумывал создать такое сообщество, начиная «сверху», из «центра», в то время как государства Западной, а теперь уже и Восточной Европы пытаются создать политическое сообщество с дееспособным центром, начиная с собственной основы. Удается ли им то, что не удалось Горбачеву, покажет дальнейший ход европейских интеграционных процессов.

В том, что Горбачев рассматривал как целевую установку создание «Содружества Европейских и Азиатских государств» (СЕАГ)¹⁴, он видел прежде всего возможность сохранения исторически сложившегося единства Великой России, если вообще не Советского Союза. Тем самым он хотел, как он сам утверждал, предотвратить «утрату» «Большой родины»¹⁵, избежать чего, как он считал, было возможно, если бы «процесс государственного, административно-правового и иного разграничения был реализован на практике». Это бы напрямую коснулось многих людей – в их повседневной жизни, на работе, в отношениях друг с другом. Как он изложил в своем письме от 18 декабря 1991 г., адресованном «уважаемым товарищам», которые планировали провести встречу в Алма-Ате и там же позже приняли решение о прекращении существования Советского Союза, основание такого сообщества независимых государств имело бы четыре неоспоримых преимущества:

- «общий» евро-азиатский рынок, основывающийся на рыночной экономике и защите всех прав собственности;
- скоординированная «военная политика в коллективе», которая гарантировала бы военно-стратегическую защиту сообщества;
- согласованная между странами–участниками внешняя политика, которая позволила бы странам сообщества принимать участие в мировой политике в рамках единого блока;
- «координирование» научной и культурной политики, в ином случае «духовному развитию всех наших народов» будет причинен «непоправимый ущерб»¹⁶.

Что, на мой взгляд, является примечательным в его не только похвальных, но и внушающих уважение целевых установках, так это то, что, с точки зрения Горбачева, они должны были не на-

вязываться тому или иному народу, а являться предметом его стремлений и реализовываться самим этим народом. Как показало дальнейшее развитие событий, этого взаимного доверия, недоставало ни самим народам, ни их тогдашним расколовшимся политическим верхушкам. В своем задающем тон большинству они были едины в том, чтобы никому не подчиняться, и предпочли пойти своим собственным путем. Исторический опыт научил их не доверять центру свое личное и государственное существование. Даже в том случае, если бы этот центр представлял Горбачев. Ведь его «прежние сотоварищи» видели в нем предателя Советского Союза, а «либеральные реформисты» не считали его одним из своих. Именно по этой причине он оказался среди новых фронтов и был вытеснен из политической игры. В этом смысле Советский Союз последовал примерам многих других империй, существование которых завершилось распадом.

Яковлев – поздний диссидент. Совсем другим, чем «наполовину обращенный в другую веру» Горбачев, который продолжал верить в «своего Ленина»¹⁷, был Александр Яковлев. С одной стороны, как член Центрального Комитета КПСС и Политбюро, он был одним из ведущих функционеров советского времени. С другой стороны, он был единственным, кто после развала Советского Союза интенсивно занимался анализом советской системы и ее представителей, прежде всего Ленина и Сталина, и порвал с ними. В своей автобиографии «Пропасти моего столетия», вышедшей в 2002 г. на немецком языке, Яковлев писал: «Если шаг за шагом проанализировать семидесятилетний период истории с его кровавыми вождями, разветится вся шелуха с веры в коммунистическую благодать, как пепел по ветру. До костей оголяется вся подлость, трусость и коварство, на которые способен человек – в равной степени как и бесконечная преступность режима и сатанизм его вождей»¹⁸.

Я склонен думать, что итогом глубоких рассуждений Яковлева можно считать следующее высказывание: «То, что произошло в октябре 1917г., представляет собой драму страны, ее народа и каждого отдельного человека, масштабы которой не укладываются в голове. Это была бесконечная смена страданий одних и преступлений других. Конечно, тоталитарный режим – это далеко не вся жизнь: большевизм был пугающей частью жизни. Время требует честного ответа на главный вопрос: как могло случиться, что по настроению небольшой группы преступников у рычагов власти уничтожались миллионы невинных людей или они подвергались бесконечным пыткам и вынуждены были влачить существование изгоев общества и жертв бесчеловечной государственной машины? Трагедия народа никогда не прекращала быть трагедией»¹⁹. Правда, здесь и далее речь идет не о том, к какому выводу пришел Яковлев в вопросе кровавой советской системы, созданной Лениным и Сталиным, и не о том, что из нее сделали их наследники с течением

времени, а о ее конечной стадии. По этому вопросу Яковлев высказался не детально, а лишь мимоходом, по тем моментам, которые имели отношение к его биографии. И тем не менее даже этот его ретроспективный взгляд кажется мне содержательный именно потому, что он отличается от мнения многих его земляков.

Яковлев был убежден, что попытки проведения реформ Горбачевым были единственным способом предотвратить «кризис (системы. – Г.В.)», пока он не перешел в острую, возможно, кровавую стадию. Это была возможность эволюционным способом разбить тоталитаризм посредством тоталитарной партии, использовать принципы централизма и дисциплины, однако заручившись при этом поддержкой реформаторского крыла, заряженного протестом. Только в этом я видел историческую возможность вывести Россию из тупика. Парадокс? Возможно»²⁰.

Его продолжало тяготить то, что наследники «коммунистических развалин» и «неповторимой империи», распад которой он считал «неизбежным»²¹, то есть Горбачев, Ельцин и Путин, настолько усложнили себе процесс реформирования системы, что далеко не достигли того, чего он ожидал от этих реформ:

- коренного обновления политического руководства;
- упразднения однопартийной и введения многопартийной системы;
- перехода к смешанным формам экономики и гарантии частной собственности.

Причину того, что этим трем наследникам не удалось завершить реформы, застрявшие на полпути, он видел в том, что была упущена из виду необходимость упразднения «бюрократии», то есть бюрократизации государственного управления, которое он называл пережившим старую систему «командным управлением»²². На эту государственную бюрократию опирался Горбачев, когда уже больше не мог использовать рычаг коммунистической партии. Ельцин остерегался прикасаться к ней. А Путин незамедлительно воспользовался ею. Таким образом, в большей или меньшей степени он оказался в ее руках, стал ее инструментом. Этому он противопоставлял то, что считал условием «формирования гражданского общества»: «Теперь должно быть не «сначала государство, потом общество и только потом человек», а сначала человек, потом общество и только потом государство. Только тогда все наладится»²³.

Если я правильно понимаю, исторически неизбежным Яковлев считал постфактум не только провал коммунистического эксперимента в России. Его не огорчила также утрата так называемой им «неповторимой» Советской империи, не оплакивал ее, как это делали другие. Что, по моему мнению, ему до самой смерти в 2005 г. не давало покоя, так это трагическая судьба русского народа, о котором он писал: «Я был убежден, что если бы народу России вернули его свободу, он бы очнулся и поднялся для того, чтобы сделать свою

жизнь такой, какой посчитал бы необходимым. Это оказалось блаженной романтикой... Сегодня меня беспокоят очень многие вещи... Но сегодня растет новое поколение с вольными взглядами. Я хочу верить в то, что оно выведет страну на магистраль прогресса – на дорогу социального либерализма»²⁴.

Напротив, о Владимире Ильиче Ульянове, называемом Лениным, он писал: «Для Ленина народ России служил дровами для костра мировой революции, сама революция была лишь началом перманентной гражданской войны. Иными словами: Владимир Ульянов-Ленин олицетворял инициатора и организатора террора в России – во все времена он будет стоять перед трибуналом «Преступления против человечества»»²⁵. В другом месте он пишет о политической системе, созданной Иосифом Виссарионовичем Джугашвили, называемом Сталиным: «Сталинское государство, как известно, считали очень сильным – из-за ракет, ядерного оружия, репрессий. Но оно обанкротилось, так как сделало из людей нищих и приговорило страну к отсталости. И это несмотря на то, что его руководители заверяли: советское государство – это организация, которая, как дающий жизнь механизм, направлена на создание общественного благополучия, и оно стабильнее скалы, о которую бьется морской прибой, что, в конце концов, оказалось пустым звуком»²⁶. Сдержательным является и то, что Яковлев говорил о будущем своей страны: «Россия должна своими собственными усилиями встать на ноги, подключиться к общему мировому процессу развития и как можно скорее избавиться от пятен психологии шовинизма и большевизма»²⁷.

По обсуждаемой здесь теме распада Советского Союза Яковлев высказался только в самом конце. Вот что он пишет по этому вопросу в своей биографии: «Военно-большевистский путч в августе 1991 г. окончательно затравил Советский Союз. Точка в этом трагическом процессе была поставлена Беловежскими соглашениями – они зафиксировали уже имеющуюся ситуацию. Вот так коммунистическая элита постепенно допустила распад Союза»²⁸. По его мнению, путчу предшествовали два роковых решения:

- «православное крыло» КПСС настояло на организации собственной «российской КП», что стало «первым сигналом о распаде СССР»;

- затем последовало «объявление независимости России», которым «коммунистическая фракция», имевшая большинство в Верховном Совете России, сказала «решающее слово в пользу отделения от других республик Союза»²⁹.

Во всех трех случаях – московский путч, отделение КП России от КПСС и объявление независимости России, – по мнению Яковлева, именно высшие коммунистические круги вели Советский Союз к распаду. И если я верно интерпретирую данное его высказывание в сочетании с другими его мыслями, он пришел к следующим выводам:

- во-первых, жизнь советской системы, созданной интернационалистами Лениным и

Сталиным, кое-как, с применением силы, подерживалась благодаря их коммунистическим последователям, начиная с Хрущева и заканчивая Черненко, которые постоянно пытались ее спасти;

- во-вторых, бывшему коммунисту Горбачеву не удалось в корне реформировать советскую систему и сохранить ей жизнь;

- в-третьих, Советский Союз был приговорен к распаду посредством основания СНГ национальными коммунистами, начиная с Бориса Ельцина и заканчивая Нурсултаном Назарбаевым. Таким образом, по мнению Яковлева, советская система была создана интернационально настроенными коммунистами, а похоронена национально настроенными коммунистами, что все же в некоторой степени является мнением неожиданным.

Немецкие наблюдатели.

Сделать выбор из немногих имеющихся систематических научных трудов, которые посвящены развалу Советского Союза, стоило мне определенных усилий³⁰. Из-за смелости его тезисов в дальнейшем я буду опираться на труд Ульриха Друве «Распад Советского Союза – кризис и крах мировой державы»³¹, который появился уже в 1991 г.; из-за точности высказываний – на сочинение Герхарда Симона «Изучение Восточной Европы, распад Советского Союза и новые национальные государства»³²; а также на произведение Гельмута Альтрихтера «Россия 1989 – распад Советской империи»³³ ввиду полноты изложенного материала. Я делаю это для того, чтобы показать разные точки зрения на одно и то же событие – развал Советского Союза.

Позиция Друве. В качестве основной причины трансформации традиционной советской системы, запущенной процессами «перестройки» и «гласности», Друве видит три особенности, которые способствовали, по его мнению, «истощению решающего потенциала тоталитарного советского государства», то есть внутреннему застою:

- неограниченное господство и доминирование КПСС/партийной элиты в образе Центрального Комитета, Политбюро и Генерального секретаря партии; полный функциональный контроль всех общественных сфер партией и номенклатурой;

- центрально-бюрократическое экономическое, культурное и политическое планирование общественных целей и деятельности³⁴. По моему мнению, этим автор указал важные системные причины конечного кризиса советской системы, которые через 69 лет всего за несколько месяцев привели к ее краху.

Похожим образом доцент университета в Штутгарте наглядно сформулировал, что понималось под «перестройкой» Горбачева. По его мнению, это понятие включало четыре аспекта:

- реорганизацию экономики и впоследствии всего общества (перестройка),
- демократизацию общества;

– более высокую степень прозрачности экономических, общественных и политических решений (гласность);

– снятие международной напряженности и расширение международного экономического сотрудничества (глобализация)³⁵.

В «перестройке» Друве видел попытку Горбачева «провести радикальную реорганизацию советского общества в рамках советской идеологии для того, чтобы наконец справиться с нарастающим с 1917 г. кризисом»³⁶. Он детально разбирал его цели и соответствующую деятельность. Если при этом он в унисон с Клаусом фон Бейме подчеркивает, что на начальном этапе реформы Горбачева еще осуществлялись в рамках советской системы, то этим он намекает на нерешительность Горбачева в отношении разрушения унаследованных институциональных форм, то есть, например, разрешения многопартийной системы, гарантии частной собственности и введения рыночной экономики. Тем не менее Друве пришел к выводу: «Она (политика Горбачева. – Г.В.) открывала путь для распада СССР»³⁷.

Третье примечательное высказывание автора заключается в следующем предложении: «В конце концов, к распаду Советского Союза привела проблема национальностей»³⁸. К такому выводу он пришел на основании того факта, что между центром, олицетворением которого был Горбачев, и отдельными республиками, в которых тем временем имели слово стремящиеся к реформам коммунисты, стали нарастать конфликты. Горбачев, со своей стороны, пытался учитывать требования республик и одновременно сохранять единство Союза. Тем временем республики были в разной степени заинтересованы в своей независимости, при этом их руководители искали поддержки своих народов и находили ее. Удерживать три балтийских народа – литовцев, латвийцев и эстонцев – в составе Союза после неудавшегося путча, состоявшегося 19–21 августа 1991 г., больше не удалось. 21 августа они объявили о своей независимости и выходе из состава Советского Союза.

Согласно Друве, сложнее была ситуация с тремя «центральными государствами» – Российской Федерацией, Украиной и Беларусью. В 1922 г. они образовали Советский Союз. От них, а не от больше всего заинтересованных в сохранении Союза азиатских республик зависела судьба Советского Союза. 4 июня 1991 г. они переименовали Союз в «Союз советских суверенных республик». После провалившегося московского путча в августе 1991 г. они воспользовались возможностью стать хозяевами ситуации и игнорировать продолжавший существовать центр в лице Горбачева. В ходе двусторонних переговоров в Смоленске Россия и Украина решили идти каждая своим путем, и в декларации, принятой 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате 11 из 15 республик, черным по белому было написано: «С созданием Содружества Независимых Государств (СНГ) Союз Советских Социалистических Республик (СССР) прекращает свое существование»³⁹. Это

событие ознаменовало окончание существования Советского Союза на официальном уровне. Национальные коммунисты добились его распада.

Друве также придерживается мнения, что решающую роль в распаде Советского Союза сыграл неудавшийся московский путч. Он цитирует высказывание армянского президента того времени Тер-Петросяна, с которым Друве согласен: «Центр клинически мертв. Путч ознаменовал самоубийство центра»⁴⁰. Этим он хотел сказать не только то, что участники путча напрасно пытались оживить старую систему, но и то, что прежний центр, коим продолжал себя считать Горбачев, был дискредитирован настолько, что он утратил всю свою силу, которую стали использовать республики. С этого момента они стали решающими факторами власти⁴¹.

Правда, положение, создавшееся в результате заключения Алма-Атинского соглашения, Друве сам больше не мог учитывать, так как в сентябре 1991 г. он закончил рукописный вариант своей книги. Вопрос о том, удастся ли все же Горбачеву спасти Союз, или объявившие себя суверенными республики пойдут каждая своим путем, он оставил открытым. Сегодня мы знаем об этом больше: на самом деле произошло обособление бывших советских республик. И даже основание СНГ не принесло того, чего, скорее всего, ожидали от него некоторые его инициаторы: свободного, прежде всего экономического единства новых республик. Следующее было, по крайней мере, ожиданием автора, которое он озвучил в конце своей книги: «Экономическо-техническое давление модернизации, просыпающееся политическое самосознание людей и народов, а также изменения в политической культуре бывшего Советского Союза, которые видны прежде всего у молодежи, художников, экологически мыслящих людей, но и у имеющих хорошее образование «трудящихся», в долгосрочном периоде требуют трансформации системы. Такая трансформация невозможна в рамках тоталитарной, авторитарной или даже националистической структуры. Так же, как в экономической политике не существует третьего пути наряду с рыночной и плановой экономикой, его нет и для принципиального решения в пользу или против демократии»⁴².

Такое определение в долгосрочной перспективе может быть верным или нет. За короткий же срок на практике, очевидно, невозможно избежать «третьего пути». Ход трансформации определяется тем или иным народом, а не доброжелательными аналитиками. Последние тем временем не могут обойтись без обсуждения конкретных «особых путей» правительств и их народов.

Аспект Симона. В рамках данной работы я могу подробнее осветить только один аспект, которому Герхард Симон уделял особое внимание. Он уже в 1992 г. в рамках исследования «Изучение Восточной Европы, распад Советского Союза и новые национальные государства»⁴³ на семи страницах выразил свое мнение по поводу только что свершившихся в Восточной Европе

событий. Прежде всего, в рамках своего сочинения он упрекает западную политику и исследователей Восточной Европы в «слепоте» и «провале». По его мнению, данные события стали для них полной неожиданностью, к таковому они были абсолютно не готовы. Теперь у них отнялась речь по поводу причин распада Советского Союза, и она к ним не вернется, пожалуй, еще в течение некоторого времени. Однако затем он изложил свою позицию в отношении того, что, по его мнению, до сих пор сдерживало распад Советского Союза и что с ним будет дальше.

Он видит две основные причины распада Советского Союза. С одной стороны, первая из причин заключается в том, что с распадом КПСС, представлявшей собой «скрепу», объединявшую республики в рамках Советского Союза, прекратил существование и сам Советский Союз⁴⁴. Но, с другой стороны, к счастью, для членов Союза нашлась альтернатива КПСС – «нации»⁴⁵. Он задает вопрос, как могло так случиться, что именно нации после 69 лет советского режима внезапно стали альтернативным основанием власти в 1991 г.? По мнению Симона, здесь мы имеем дело с «парадоксом»: «Идеология и политическая система, которая выступала с претензией на преодоление политического национализма, в значительной степени поспособствовали образованию наций».

В этой связи он констатирует: «Почти все нации на территории бывшего Советского Союза в конце советского периода были более сплоченными социально, более глубоко связаны в культурном и более деятельными в политическом плане, чем в начале советского периода в русской истории». В этой связи он пришел к следующему выводу: «Советская власть способствовала формированию наций как посредством ряда положительных мер, так и посредством политики репрессий». Логичным следствием этого стал тот факт, что реформаторы КПСС стали во главе своих народов; ведь и в их интересах было избежать повторного подчинения какому-нибудь центру, с чем у них был связан плохой опыт в прошлом, и вместе с народом пойти своим путем. Таким образом, многократно «объявленные мертвыми нации» не только пережили советскую систему, но и, более того, оказались основанием полностью нового, отныне национального государственного порядка.

Данное обстоятельство, как аргументировал Симон, дало шанс всем народам, опасавшимся за свою национальную идентичность, как, например, народам трех балтийских государств, Украины, а также Грузии и Армении, отдалиться от Союза и заявить о своем суверенитете. Другие государства, как, например, азиатские республики и Молдова, которые не переживали за свою национальную идентичность, проявили значительно большую степень нерешительности, так как принадлежность к Советскому Союзу им была выгодна. Совсем иначе, по словам Симона, вели себя русские. Ельцин, Гайдар, а потом и Путин, как он считает, признали распад империи толь-

ко «скрепя зубами», так как это давало им возможность пойти собственным путем и больше не подчиняться сомнительному центру. В этой связи Симон задается вопросом: «Является ли крах империи действительно утратой для русской нации или, наоборот, предпосылкой и условием ее возрождения?»⁴⁶.

Конечно же, Симон знает, что русское самосознание является не этническим, а по историческим причинам – государственным. Россия всегда понимала себя как «многонациональное государство». Он считает, что этнически обоснованная идентичность неизбежно означала бы отказ от империи, во всяком случае, ее пришлось бы согласовать с федеративной системой правления. Правда, понимание этого бесконечно тяжело давалось как коммунистическим ренегатам, так и демократам в России, тем более что, как напоминает Симон, 25 миллионов русских оказались за пределами государственной границы.

В 1992 г., когда он написал свою статью, для него еще оставался открытым вопрос, каким путем развития пойдет Россия в будущем. В свое время он лишь объяснил: «Традиционного русского государства в форме многонациональной империи больше не существует, и русской нации в европейском понимании больше нет»⁴⁷. В результате таких рассуждений он пришел к выводу, что Россия в будущем может пойти двумя следующими путями: «Либо возрождение империи, либо формирование нации на сегодняшней территории Российской Федерации»⁴⁸.

Что касается возрождения империи, Симон исходил из того, что это кажется возможным, как подсказывает человеческий разум, только с применением военной силы. Скорее всего, Запад вряд ли станет предпринимать контрмеры, пока речь будет идти о территории, населенной русскими. Пожалуй, иначе все было бы лишь в том случае, если бы под вопрос было бы поставлено существование суверенных наций, – формирование русской нации в географических рамках Российской Федерации, по его мнению, напротив, имеет дело с тремя «проблемными комплексами», справиться с которыми русским будет нелегко:

– во-первых, им нужно избавиться от «теней их собственной истории», которая состояла из «экспансий»;

– во-вторых, им нужно принимать в расчет собственные 18% нерусских народностей, они должны не стремиться отобрать у этих народностей их культурную идентичность, а учитывать их потребности в рамках федеративной конституции;

– в-третьих, они должны попытаться найти компромисс между долгом заботиться о 25 миллионах «русских за границей» и их удаленностью, русских, которые теперь являются гражданами других государств⁴⁹.

Все три проблемы, решение которых должно быть найдено, требуют терпения и умения находить единственно правильный ответ. В свое время он ни в коем случае не был уверен, что

эти требования не окажутся просто завышенными для русских. Изложение своей позиции Симон завершил следующими рассуждениями. Он еще раз подчеркнул: «Национальные движения захватывающим образом имели успех. Они внесли значительный вклад в развал советской системы, они стали основным фактором распада СССР как государства»⁵⁰. Он осторожно говорит о том, что нельзя предсказать, изберут ли вновь образованные национальные государства образец поведения государств, существовавших в межвоенное время, с 1919 до 1939 г., в Восточной и Центральной Европе. То есть пойдут ли они по пути радикализации и станут ли создавать авторитарный режим⁵¹.

Однако, хоть в отношении государств постсоветского пространства он и добавил «пути национальных движений к парламентской демократии в Восточной Европе остаются открытыми»⁵², Симон все же не исключил возможности того, что государства-наследники Советского Союза окажутся жизнеспособными и дееспособными. Правда, при этом он совсем забыл указать на то, что, по крайней мере, западные страны бывшей советской империи, то есть балтийские государства, страны Центральной Европы – Польша, Чешская Республика и Словакия – а также балканские нашли себе в Европейском союзе надежный порт-убежище, который кажется подходящим для их защиты от порывов авторитарного характера.

Россия глазами Альтрихтера. Профессор Эрлангенского университета Гельмут Альтрихтер использовал шанс, представившийся ему во время его пребывания в Москве в 1989 г. Здесь он в течение года проводил исследования, стипендию на которые ему выделил университет Аугсбурга, в котором Альтрихтер на то время работал. Он пережил в советской столице все то, что произошло в то время в Советском Союзе. В 2002–2009 гг. он опубликовал приобретенные знания, дополнив их информацией, полученной в ходе интенсивного изучения источников, в виде семи монографий. В своей книге «Россия 1989 – развал Советской империи»⁵³ в четырех главах он на 388 страницах сначала изложил информацию о многих пережитых им событиях и фактах изучения советских будней. Лишь после этого, в самом конце, он выразил свою точку зрения на агонию Советского Союза, изложение которой заняло всего 15 страниц⁵⁴.

По мнению Альтрихтера, первый, еще соответствующий положениям Конституции, шаг к ликвидации Советского Союза был предпринят на третьей сессии Съезда народных депутатов в середине марта 1990 г., когда были приняты решения как о введении поста президента, так и о внесении изменений в статьи Конституции 6 и 51, благодаря чему была устранена монополия КПСС и стало возможным основание других партий. В связи с этим 15 марта 1990 г. Горбачев, как единственный кандидат, был избран Президентом СССР необходимым абсолютным боль-

шинством голосов. Ввиду чрезвычайного положения Советского Союза, его пост подразумевал исключительную полноту власти. Он не только самостоятельно принимал решение об объявлении военного или чрезвычайного положения, не только координировал государственные органы для обеспечения защиты государства, но и обладал полномочиями издавать директивы в рамках внутренней и внешней политики страны. При определенных обстоятельствах он мог даже осуществлять «президентское господство» в республиках Союза. То, что задумывалось как спасительная мера, – предоставить президенту особые полномочия, – по мнению Альтрихтера, оказалось контрпродуктивным в том отношении, что тем самым был вызван страх тех, кто в то время уже имел некое значение в союзных республиках и боялся рано или поздно потерять только что полученную власть.

Что касается борьбы за новый международный договор «Союза советских суверенных республик», в разработке которого принимал участие Горбачев, то он должен был прийти на смену старой Сталинской Конституции 1936 г. (в СССР в это время действовала Конституция 1977 г. – Ред.). Решение о его разработке было принято потому, что именно в первые месяцы президентства Горбачева Советский Союз сделал несколько стремительных шагов к своему распаду⁵⁵. На своей независимости настаивали не только балтийские государства, летом 1991 г. такие же требования стали предъявлять и другие республики, среди которых были и игравшие ключевую роль – Россия, Белоруссия и Украина. «Они требовали того, что, согласно Конституции, им полагалось априори, а теперь, очевидно, должно было стать реальностью»⁵⁶. При этом «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика», конечно, во всем этом играла решающую роль.

Вновь избранный Съезд народных депутатов РСФСР уже 12 июня 1990 г. подавляющим большинством голосов принял Декларацию о государственном суверенитете. Дополнительно была укреплена также позиция Бориса Ельцина, который в ходе народных выборов 1991 г. был избран Президентом РСФСР. Тем не менее в результате неустанных стараний Горбачева руководители республик приняли новый Союзный договор, который, правда, – в этом вопросе Горбачев пошел на уступки – имел ярко выраженные конфедеративные черты. В начале августа 1991 г. «Горбачев объявил текст договора готовым к подписанию»⁵⁷. Однако подписание опередил московский путч, состоявшийся 19–21 августа, именно тогда, когда Горбачев находился в отпуске в Крыму. Путч сорвал запланированное на начало сентября подписание договора.

Организатором путча 19 августа, со ссылкой на мнимое заболевание Горбачева, которое якобы мешало ему выполнять обязательства Президента СССР, стал девятиглавый «Комитет по чрезвычайному положению». «В него входили, наряду

с вице-президентом СССР (Янаевым), премьер-министр (Павлов), министр внутренних дел (Пуго), министр обороны (Язов), председатель КГБ (Крючков) и первый заместитель президента в Совете Обороны СССР»⁵⁸. В Заявлении о переходе власти к ГКЧП было указано: этот шаг был предпринят, чтобы «уберечь общество от общенациональной катастрофы»⁵⁹.

То, чего эти ближайшие доверенные лица Горбачева, который в свое время назначил их на должности или сохранил за ними занимаемые посты, добивались, так это прежде всего срыва подписания нового Союзного договора, который, по их мнению, рано или поздно привел бы к гибели Советского Союза. При помощи путча им действительно удалось сорвать заключение договора, однако этим они не предотвратили развала Советского Союза, а, наоборот, приблизили его. Альтрихтер подчеркивает в этой связи: то, что путч удивительным образом через три дня был подавлен, «не в последнюю очередь было заслугой вновь избранного Президента России (то есть Ельцина. – Г.В.). Он возглавил сопротивление, объявил все действия Комитета по чрезвычайному положению незаконными и подчинил все советские исполнительные органы на территории РСФСР своей командной власти»⁶⁰.

На двух с половиной страницах Альтрихтер изложил свои мысли по поводу «распада Советского Союза». Согласно Альтрихтеру, в результате подавления путча, вследствие чего члены Комитета по чрезвычайному положению были арестованы, а любая деятельность КПСС на территории России была запрещена, Горбачев фактически остался на союзной сцене в одиночестве. 24 августа он поспешил заявить о своем отказе от председательствования в КПСС, то есть от исполнения обязанностей Генерального секретаря – так в течение долгого времени называлась эта должность.

Государственный совет, основанный 2 сентября в рамках внеочередного заседания Съезда народных депутатов Союза, состоял из все еще занимающего свой пост Президента Союза Горбачева, а также руководителей союзных республик. 14 ноября при участии Горбачева или в его отсутствие – это является вопросом спорным – Государственный совет принял решение об аннулировании прежней, советской Конституции.

А что стало с новым Союзным договором, с начала августа лежавшим на столе? По этому поводу Альтрихтер пишет: «В этой достаточно запутанной ситуации 8 декабря 1991г. встретились президенты России, Беларуси и Украины, объявили переговоры по подготовке нового Союзного договора провалившимися, СССР не являющимся субъектом международного права и не существующим как геополитическая реальность и приняли решение об образовании вместо него «Содружества Независимых Государств» (СНГ)»⁶¹. Через некоторое время состоялось событие, которое, по мнению Альтрихтера, официально

подвело последнюю черту под существованием Советского Союза: «21 декабря 1991г. состоялась встреча трех сепаратистов в Алма-Ате с верховными представителями Армении, Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, которые вступили в Содружество и в будущем должны были получить статус равноправных основателей СНГ. 25 декабря Горбачев сделал выводы из создавшегося положения и ушел в отставку»⁶². Таким образом, Советский Союз стал историей.

Особенности развала Советского Союза.

Первая особенность распада Советского Союза, как мне видится, заключается в том, что он обязан не военному поражению, а внутреннему «чрезвычайному положению», распаду КПСС, сдерживавшей распад Советского Союза. Она разделилась на национальные составляющие и тем самым сама себя «упразднила». В отличие от краха многих других империй, развал Советского Союза был вызван не внешними обстоятельствами, поражениями, а внутренними силами, которые до того являлись основанием системы и только хотели реформировать ее. Они были продуктами старого режима, которые, когда его репрессивные силы ослабли, сами попросили слова сначала в советских сателлитах, а затем и в самом Советском Союзе, и, являясь запоздалыми, не гражданскими, а в некоторой степени «социалистическими» национальными движениями, нанесли смертельный удар старой системе. При трезвом подходе становится понятно, что это было идеальное самоубийство. Кто занимался организацией похорон?

Вторая особенность распада Советского Союза, как мне видится, заключается в том, что он был затравлен не диссидентами, своими явными врагами, а своими собственными товарищами. Долгое время они были опорой системы. Их разделение на реформаторов и консерваторов разрушило старую систему и создало новую. Правда, эта новая система в корне отличалась от той, которую представляли себе реформаторы – Горбачев и Яковлев. По сравнению с новыми реформаторскими силами старые противники, монархисты, либералы и демократы были практически бессильными. Ни во время переворота, ни в ходе создания нового режима они не сыграли решающей роли. Это подтверждается личными данными реформаторов: ни Горбачев, ни Ельцин или Путин в России, ни Кравчук или Янукович в Украине; ни Лукашенко в Беларуси, ни Шеварднадзе в Грузии, ни Назарбаев в Казахстане или Петросян в Армении не были диссидентами. Они в большей или меньшей степени были чистыми «большевиками». Они собственноручно организовали похороны Советского Союза. И, наконец, они прославились как основатели новых национальных государств. Как организаторы похорон и как основатели, они написали историю.

Третья особенность распада Советского Союза, как мне видится, заключается во внезапной смене идеологии от утопичной идеи спасения мира революционного коммунизма к национа-

лизму, ставящему в центр интересы собственного народа. На самом деле поражает, насколько быстро марксистско-ленинская идеология, индоктринированная в течение 69 лет, не только была сдана в архив официально, но и исчезла из мыслей «товарищей». С одной стороны, это можно объяснить только тем, что официальная идеология не находила нужного отклика у большей части советского населения, а воспринималась им как чуждая и навязанная. С другой стороны, этот факт позволяет сделать вывод, что апелляция к национальным интересам нашла самый большой отклик как у простых граждан, так и у политиков. У одних, так как они видели в этом самые разные личные преимущества; у других, так как это позволяло им демократическим способом завладеть властью и сохранять ее. Впрочем, в Советском Союзе после 1991 г. с большим запозданием лишь повторилось то, что происходило в Западной и Центральной Европе после Французской революции 1789 г.: триумфальное шествие национальных движений. Оно уничтожило многонациональные государства, такие, как, например, Австро-Венгрия. Его не смогли остановить и два немецких гегемониальных движения, 1914 г. и 1939 г. И в результате оно привело суверенные национальные государства Европы, во всяком случае, большинство из них, – начиная Европейским объединением угля и стали, основанным в 1950 г. шестью государствами Западной Европы, – к тому, что они объединились в рамках основанного ими Европейского союза, в котором они стали хозяевами и начали осуществлять совместную деятельность.

Четвертую особенность распада Советского Союза я склонен видеть в московском путче 19–21 августа. В разрез с ожиданиями «Комитета по чрезвычайному положению», ставшего его организатором, он не только не смог сохранить советскую систему, но и ускорил ее крах. Путч дискредитировал своих прокоммунистических инициаторов, сильно подорвал авторитет Горбачева, позволил Ельцину одержать триумф и укрепил силы национальных государств в их намерении выйти из состава Союза. В рамках Союза, в котором господствовала Россия, другие народы чувствовали еще большую угрозу своему политическому существованию и культурной идентичности, чем прежде. Стремление избежать влияния российского господства, которое стало представлять еще большую угрозу, было еще одной важной причиной распада Советского Союза и поисков счастья в суверенитете собственной нации.

В качестве **пятой** особенности распада Советского Союза я считаю нужным назвать то обстоятельство, что развал Советского Союза произошел в короткий период времени, практически в течение двух лет, в период между падением Берлинской стены 9 ноября 1989 г. и признанием факта прекращения существования СССР 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате. Если в других империях период ослабления их мощи затягивался на более длительное время, как, например, было

в Польско-литовской шляхетской республике и в турецкой Османской империи, прежде чем они без особой дополнительной помощи извне распались, то агония советской системы длилась относительно недолго, и все обошлось практически без крови. Причину этого я вижу в том, что советская система основывалась лишь на двух столпах: на коммунистической исцеляющей идеологии и КПСС. Когда один столп, идеология, потерял свою привлекательность, так как она не сдержала своих обещаний, и когда второй – партия – распался и вообще был запрещен на территории России, картонный домик развалился, ибо у него не было других опор.

По моему мнению, существует еще **шестая** особенность, которую имел Советский Союз. Она заключается в продолжении существования раздутой государственной бюрократии, которая является пережитком унифицированного коммунистического общества. Правда, сегодня она играет определенную роль только в ключевых областях бывшего Советского Союза, однако не имеет значения либо имеет его в незначительной степени в советизированных государствах Восточной Европы. Она душит гражданское общество, подавляет общественную активность, действует, как прежде, как общественный опекун и используется в политике как инструмент господства. На самом деле, особенностью центральных государств бывшего Советского Союза является то, что, как и прежде, всемогущая бюрократия представляет собой там практически неразрешимую проблему. По моему мнению, это связано с тем, что государственная бюрократия в этих государствах выполняла и продолжает выполнять не только административные, но и в значительной степени экономические, культурные и научные функции. Этим государствам еще предстоит лишить государственную бюрократию власти и заменить ее общественными силами, не вызвав при этом хаоса. Кроме того, это является условием перенесения демократических процессов с бумаги на практику.

Суицид и самоосвобождение. В целом, если я не ошибаюсь, распад Советского Союза представляет собой революционный процесс, не имевший до этого места в истории. Если прежние революции отличались тем, что, независимо от того, были они кровавыми или нет, приводили к смене политической верхушки, прежние власть предержащие заменялись новыми элитами, то характерной особенностью «советской революции» 1991 г. был тот факт, что политическая система полностью сменилась, но политические руководители, по крайней мере, что касается их личностей, остались теми же.

Что натолкнуло меня на мысль говорить о «суициде Советского Союза», так это тот факт, что прежнюю систему разрушили ее же собственные власть предержащие. В чем, исходя из всех фактов, нет сомнений. Но с таким же успехом, как и о «самоубийстве» прежней системы ее власть имущими, можно говорить и о личном «самоос-

вобождении» бывших власть имущих, поскольку они, – конечно, вынужденные обстоятельствами, освободились от идеологии, узаконивавшей старую систему, упразднили ее институты и отказались от ее процессов и вместо этого приняли новую идеологию, новые институты и новые процессы. Этот акт «освобождения» от старых привычек и правил нельзя недооценивать, особенно в тех случаях, когда такая переориентация происходила не по принуждению, а по собственному убеждению. Он потребовал большого личного мужества и много сил.

Если меня спросят, какой краткой и легко запоминающейся формулой я бы выразил распад Советского Союза, я отвечу: с одной стороны, причина распада заключалась в неожиданном практически для всех распаде ленинской КПСС, а с другой – в абсолютно неожиданном появлении наций на политической сцене. Первым и единственным, кто обратил внимание на то, что скрепляло Советский Союз изнутри, – на партию, как «скрепу», а также на то, на что сослались национальные государства, – на свою национальность как объединяющую идею, был Герхард Симон⁶³.

В этом смысле я склонен понимать распад Советского Союза не как поражение, а приветствовать как крах варварской системы, унесшей жизни миллионов невинных жертв, оценивать самоосвобождение от нее ее власть имущими как великое достижение человечества и делать ставку на все еще не завершённые процессы трансформации тоталитарной системы в странах постсоветского пространства. Пусть за ними будет будущее. Тем более что это, как я вижу, является условием того, что в один прекрасный день все страны постсоветского пространства, как национальные государства, объединятся с другими национальными государствами Европы под одной крышей Европейского союза – если захотят.

Реакции на распад Советского Союза. После презентации моего собственного взгляда на проблему распада Советского Союза я бы хотел обратить внимание на то, что существует, конечно же, большое количество интерпретаций этого события. Роберт Стрейер по этому поводу заметил, что развал великих империй всегда захватывал человечество и вызывал бесконечные дискуссии, как в случае с крахом Римской империи⁶⁴. Он, со своей стороны, выделил четыре господствующие, по его мнению, примитивные с научной точки зрения не внушающие доверия реакции на распад Советского Союза:

- во-первых, радость и удовлетворение;
- во-вторых, печаль и упрек;
- в-третьих, клевета;
- в-четвертых, оправдание.

Согласно Стрейеру, первые две реакции широко распространены, прежде всего, в бывшем Советском Союзе и его бывших сателлитах. В частности, нероссийские националисты, по понятным причинам, выражают радость по поводу избавления от советской «тюрьмы», освобождения и получения независимости. Но даже среди

русских он встречал тех, кто не чувствовал себя несчастными из-за распада Советского Союза. В качестве примера он приводит слова Александра Солженицына: «У нас нет сил на содержание империи. Пусть этот груз упадет с наших плеч»⁶⁵. Этим более или менее позитивным отзывам Стрейер противопоставляет отзывы «советских патриотов», как он их назвал. По всем правилам они находятся в отчаянии из-за того, что их сверхдержава прекратила свое существование, что вековое наследство России было проиграно и что двигатель «революционного социализма» вышел из строя. Они прямо называют Горбачева и Ельцина предателями. Сам Стрейер напомнил о том, «возвращенная к жизни коммунистическая партия» на российских президентских выборах 1996г. получила не менее 40% голосов. В ее программе было сказано, что она будет выступать за «добровольную реставрацию Советского Союза»⁶⁶.

Стрейер утверждает, что и на Западе встречаются две противоположные реакции на распад Советского Союза. Первую реакцию представляют, по его мнению, либеральные «консерваторы». Ее можно выразить следующим образом: «Они рассматривают Советский Союз как незаконный эксперимент тоталитарного режима, который был реализован при помощи конспиративного приема большевиков и который все это время продолжался с применением насильственного подавления и повлекший за собой невыразимую трагедию. Их позиция характеризуется моральным негодованием и политической антикоммунистической настроенностью. В советской истории они находят, если вообще находят, только несколько положительных моментов и практически не видят признаков возможности перемен/реформирования системы»⁶⁷.

Согласно Стрейеру, другую интерпретацию представляют коммунистические «ревизионисты», как он их называет: «Большевистскую революцию 1917г. они считают народным восстанием, критикуют «понятие тоталитаризма» как недостаточную для описания советского общества концепцию, и ответственность за «холодную войну» в одинаковой степени возлагают на США и Советский Союз. Кроме того, по их мнению, Советский Союз после Сталина представлял собой успешно развившееся индустриальное общество, в котором из-за давления модернизации появился средний класс и развился общественный плюрализм, как было и с другими современными обществами»⁶⁸.

Эти реакции Стрейер зафиксировал, не комментируя и не приводя доказательств. Какой смысл имеет такой его подход? Я вижу только один: таким образом он хотел показать, что подход аналитиков должен отличаться от подхода простых смертных. Если последние имеют наготове моментальные, однозначные, личностно окрашенные и обязательно односторонние ответы, аналитик обязан все обдумать, взвесить «за» и «против» и в своих оценках использовать дифференцированный подход. В отношении своего соб-

ственного подхода он сказал следующее: «Задача исторического анализа включает описание того, что случилось, пояснения, почему все случилось так, как случилось, и оценки важности исторического события или процесса. Все это всегда связано с дискуссией и диспутом... История является общественной памятью, но она фактически в каждом своем момент является спорной памятью»⁶⁹. Я посчитал, что и я должен соответствовать этим требованиям. Насколько мне это удалось, каждый читатель может определить для себя сам.

Исторические параллели крушения империй. Для проведения сравнения крушения империй имело бы определенный смысл привести как можно больше примеров как из европейской истории, так и из неевропейской. В связи с этим я могу между тем в определенной степени *pars pro toto* (часть вместо целого) кратко коснуться только некоторых исторических моментов. Ниже речь должна пойти о «крушениях» трех европейских «империй», которые произошли в XX столетии:

- о внезапном распаде «Австро-Венгрии» в 1918 г.;
- о капитуляции «Великой Германии» в 1945 г.;
- о спокойном распаде «Британской мировой империи», начиная с освобождения Индии в 1947 г.

При этом в каждом случае я затрону только три аспекта этих событий в мировой истории, которые коснулись не только конкретной страны, но и в большей или меньшей степени значительной части мирового сообщества: причины, а также краткосрочные и долгосрочные последствия этих явлений распада. Какое место в этом сравнении занимает Россия – к этому вопросу я, в конечном счете, вернусь в завершение.

Форсированный распад Австро-Венгрии. По моему мнению, самое быстрое и простое, если не самое беспроблемное, развитие ситуации происходило в Австро-Венгрии, в рамках которой народы были объединены с 1867 г. Ее военное поражение во время Первой мировой войны (1914–1918) привело к тому, что эта империя, которая до этого относилась к европейским сверхдержавам, при сильной поддержке стран-победительниц, то есть в первую очередь Франции и Великобритании, в 1918–1919 гг. была разделена на свои национальные составляющие – полностью новые государства: Польшу, Чехословакию и Югославию. Однако раздел Австро-Венгрии был очень выгоден и Румынии. Остались два центральных государства – Венгрия и Австрия – в виде малых государств; при этом странам победительницам нравилось, что треть венгерского населения оказалась за границами Венгрии и что Австрии было запрещено исполнять принятое ею решение о присоединении к Германии.

В период между войнами разрывание единого экономического пространства привело к нежелательным последствиям для многих государств-наследников. Они способствовали тому, что новые режимы были в большей или меньшей степени авторитарными, вели себя в большинстве

случаев радикально-националистически и мало обращали внимание на свои меньшинства. Страны-наследницы получили то, к чему стремились, свою независимость, но уверенными, стабильными и экономически успешными они не были. Во время Второй мировой войны (1939–1945) они стали легкой добычей для «Великой Германской империи», если не были ее союзниками.

Как развивались события после Второй мировой войны, известно. «Искусственные образования» Чехословакии и Югославии распались на их национальные составляющие. Их страны-наследницы, а также центральные государства Австро-Венгрии сегодня либо являются членами Европейского союза либо, как в случае с Сербией, Хорватией, Боснией и Герцеговиной, Македонией, Косово, Черногорией и Албанией, претендуют на вступление в Европейский союз, то есть стремятся стать его членами. Таким образом, все выглядит так, будто Европейский союз является «таванью», в которой не только национальные государства Западной, но и Восточной Европы в состоянии сохранить свою культурную самобытность, получить максимальные гарантии своей безопасности и развивать свое экономическое благополучие. Именно поэтому в их национальных интересах находится членство в ЕС.

Катастрофическое перенапряжение Великой Германии. В XX в. Германия дважды пыталась завоевать господство в Европе. И в обоих случаях, в 1918 г. и в 1945 г., ее попытки провалились. После Первой мировой войны страны, одержавшие победу, уменьшили размеры Германии до ее этнических границ, но не нейтрализовали ее потенциал, а, наоборот, сжали его. В 1933 г., не без вины дискриминировавших ее по всем правилам искусства, подавлявших ее стран-победительниц, Германия оказалась в руках гитлеровских национал-социалистов, которые в кратчайшие сроки превратили ее в тоталитарное государство и в 1938 г., присоединив Австрию, создали «Великую Германскую империю».

В ходе Второй мировой войны Германии в рамках блицкригов сначала удавалось насаждать немецкую гегемонию на значительных территориях Западной, Северной и Центральной Европы. Это происходило до того момента, пока она не оказалась вовлечена в войну на два фронта с двумя сильнейшими мировыми державами, США и Советским Союзом, в которой потерпела поражение. 8 мая 1945 г. Германия безоговорочно капитулировала, была оккупирована и возглавлена четырьмя государствами-победителями – США и Советским Союзом, а также Великобританией и Францией. В начале «холодной войны» между западными силами, с одной стороны, и Советским Союзом с его государствами-сателлитами – с другой, в 1949 г. произошло разделение Берлина на два сектора и разделение Германии на два государства: Федеративную Республику Германия и Германскую Демократическую Республику. В конце «холодной войны», которая завершилась после смены политики в Москве, 9 ноября 1989 г.

произошло падение «Берлинской стены», а затем 3 октября 1990 г. последовало объединение Германии, а 21 декабря 1991 г. – смена системы в Москве, которая ознаменовала распад Советского Союза.

Объединенной в 1990 г. Германии пришлось горько заплатить за свою имперскую политику, развязывание Второй мировой войны и другие ее гнусные поступки. Она потеряла четверть территории, которая в 1937 г. принадлежала ей, и должна была выдержать 12 млн беженцев и изгнанников, которые происходили из утраченных ею областей и из всей Восточной Европы, и вынуждены были оставить там свои дома и все владения. Но уже до этого основанная в 1949 г. Федеративная Республика под руководством ее первого канцлера Конрада Аденауэра, извлекла урок из недавней немецкой истории и разработала совершенно новую немецкую политику в отношении Европы. Она заключалась в том, что Германия раз и навсегда отказывалась от любой великодержавной политики и вместо этого направляла свои усилия на единение европейских государств. Германия должна была так вписаться в эту объединенную Европу, чтобы ее «особые пути» стали невозможны и чтобы интересы Германии отвечали интересам Европы, а не были направлены против нее. Такая установка, которая в период от Аденауэра до Коля (род. в 1930 г.) представляла собой основную линию политики Федеративной Германии.

Вообще, только благодаря ей стало возможным объединение Германии и возвращение последней ее авторитета в глазах мировой общечеловечности. Насколько я понимаю, посвятить себя служению Европе – и в будущем для Германии было испытанной политикой. Если это происходит недостаточно убедительно, сразу же возвращаются прежние опасения по поводу германского господства, которые в скрытой форме все еще существуют. Только в составе Европы и с помощью Европы, в которой продолжаются интеграционные процессы, Германия сможет добиться успехов в будущем. Бывший сотрудник журнала «Zeit» Тео Зоммер следующим образом сформулировал данное положение дел: «Успех Европы по-прежнему образует ядро национальных интересов Германии»⁷⁰.

Спокойный распад Британской империи. Третьей империей, о которой стоит сказать, является Британская империя. Наверное, с учетом того, что она растянулась почти на все мировые континенты, это была самая большая империя, которая когда-либо существовала в мире. И она продолжает свое существование и сегодня в образе созданного в 1947 г. Содружества Наций, даже если теперь, как таковая, она лишь оживляет память, но не является больше политической силой. Ее распад начался сразу после Второй мировой войны с объявления независимости Индии в 1947 г., затем последовали объявления независимости ее колоний, до возвращения Гонконга Китаю в 1997 г. Сегодня из ее некогда многих заморских владений, наряду с Гибралтаром, Вели-

кобритании принадлежат еще 13 более или менее небольших островов⁷¹. Распад Британской мировой империи, по моему мнению, связан с тем, что сила Великобритании по сравнению с силой новых мировых держав быстро теряла обороты, а влияние бывших ее заморских колоний чрезвычайно выросло. Особенность краха этой империи я вижу в том, что он происходил практически незаметно, в цивилизованной, если не сказать, джентльменской форме.

Британская мировая империя постепенно вернулась на свою исходную позицию, Британские острова. По моему мнению, сегодня ее проблемы, связанные с имперским прошлым, можно разделить на три вида:

- большое количество заморского населения;
- стремление ее регионов к независимости и их отношения с ЕС;

- многим жителям своих бывших колоний Великобритании, неважно, по каким причинам, дала британское гражданство и таким образом открыла для них возможность остаться в ней. Их ассимиляция проходит нелегко. Но нет сомнений в том, что это со временем стало представлять собой проблему, решаемую английским способом.

Что касается самых разнообразных регионов Великобритании, различающихся между собой также и в языковом плане, их централизованное управление, осуществляемое из Лондона, добровольно принималось до тех пор, пока их население напрямую принимало участие в деятельности империи во всем мире; пока они получали определенную компенсацию посредством императорских преимуществ. И только когда их постепенно не стало, стали появляться (сначала только в Шотландии) стремления к более выраженному самоуправлению. Удовлетворение этих требований далось парламенту в Лондоне без особого труда, даже если до этого он успешно оборонялся, если при этом оказывалось достаточное давление. А что касается глубокой антипатии британцев по отношению к ЕС, она связана с их самосознанием, сильное влияние на формирование которого, как и в случае с русскими, было оказано во времена существования империи. Европейская активность допускается, только если она выгодна и таким образом является неизбежной. Я боюсь, что большего ожидать от британцев еще долго не придется. Однако ее членство в ЕС представляет собой жизненную необходимость не только для уменьшившейся в размерах Великобритании, но и для Союза является выигрышем, от которого он не может отказаться.

Однако выдающейся особенностью распада Британской империи, по моему мнению, является то, что тесные экономические, культурные и даже политические отношения со своими бывшими владениями британцам удалось не только сохранить, но частично и углубить. Это, без сомнения, связано с тем способом, каким осуществлялось деление, то есть, как правило, по взаимному согласию. Благодаря этому удалось избежать насильственного обмена населением

между основным императорским государством и государствами-наследниками. Традиционные связи продолжают функционировать на благо обеих сторон, их даже удалось использовать для формирования взаимных отношений. Странам-наследникам это облегчило их собственный старт, и скорее только еще усилило косвенное влияние Великобритании.

В этом отношении о распаде Британской мировой империи можно сказать, что в этом случае удалось – что происходило достаточно редко или до сих пор вообще еще не случалось – достичь того, что Великобритания хоть и утратила свою империю, но при этом сама не понесла никакого непоправимого ущерба. А ее страны-наследницы и после распада извлекали для себя выгоду из прежнего британского господства. Какая распавшаяся империя может похвастаться этим?

Россия и ее империя. Как в 1992 г. сказал Герхард Симон, Россия утратила свою империю, но еще так и не нашла свое собственное национальное государство⁷². Она и сегодня продолжает сожалеть об утрате империи и при этом не работает над развитием имеющегося национального государства. На примере описанных выше развалов трех империй видно, как Россия в особой ситуации, в которой она находится сейчас, могла бы реагировать:

- она может, как когда-то Австро-Венгрия, лучше или хуже принять свершившийся факт, уйти в себя и сердиться на отделившиеся от нее государства;

- она также может, как когда-то Великая Германия, попытаться вернуть утраченную империю, однако в этом случае ей придется смириться с катастрофой, из которой ей удастся выйти только с тяжелыми потерями;

- наконец, ей не останется ничего другого, кроме как признать свой статус средней державы и искать убежище в союзе суверенных государств, если она не хочет остаться изолированной, вне истории. Россия может, как некогда Великобритания, принять случившийся самораспад своей империи, установить со странами постсоветского пространства атмосферу взаимного согласия и использовать свои традиционные связи с ними для того, чтобы сохранить и усилить свое косвенное влияние на благо всех участников.

Это те пути, согласно историческим образцам, по которым в будущем может пойти Россия. Тем временем в настоящий момент создается

впечатление, что Россия еще не решила, по какому пути она хочет пойти. В ее настоящем политическом поведении можно увидеть элементы всех трех изложенных здесь реакций на распад империи: как пассивную, так и имперскую и конструктивную. России удалось избавиться от ее утопической марксистско-ленинской идеологии. Она приняла решение о прекращении работы тоталитарной советской системы. Остается надежда, что со временем у нее получится пережить утрату своей империи, извлечь максимум из своего нового статуса национального государства и в конце концов, как национальному государству, найти надежное место в сообществе суверенных государств, как ЕС. Пожалуй, ей не остается ничего другого, кроме как интегрировать самой, так как успешно интегрировать других она не хотела, а теперь это больше и не получится. Это та цель, достичь которой в долгосрочном периоде, в конце концов, не удалось ни одной империи.

Разве может быть что-то лучшее для России, ее соседей и всего мира, чем пожелание ей в один прекрасный день стать неотъемлемой частью какого-нибудь сообщества европейских государств, как когда-то было с другими некогда европейскими великими державами?

Wagner H. *The USSR–Suicide in 1991. System Singularities and Historical Parallels.*

Summary: *On December, 21–st will be 20 years since the Soviet Union collapsed formally. The International Conference, held in Krakow, will be devoted to this question. Due to some good reasons two crucial questions will be discussed there: the USSR-collapse and its consequences for Europe and the whole world. Still, according to the specifics of the topic, I'll concentrate just on the first part of it – on the USSR-collapse. I would like to try to give the answer on the question why did this really worldwide action occur and which parallels did this process of the world empire collapse have in the modern European history. I am going to act as follows: firstly, I'll present the opinions of the three persons, directly connected with the USSR-collapse – V.V. Putin, M.S. Gorbachev and A.N. Jakovlev. To advocate them, I'll bring the opinions of the three German observers – Ulrich Druve, Gerchard Simon and Helmut Altrichter. Then I'll briefly present my own opinion on the topic. By these means I hope to sound the historical moments, which retrospectively can help to understand a bit better the process of destruction of the USSR – potentially last world empire.*

Ключевые слова

Суицид, Советский Союз, исторические параллели, последняя империя, перестройка, модернизация, развал, точки зрения, участники и наблюдатели, варианты будущего России.

Keywords

Suicide, Soviet Union, historical parallels, the last empire, perestroika, modernization, destruction, points of view, participants and observers, future alternatives for Russia.

Примечания

1. Недавно появившиеся произведения авторов Герхарда и Нади Симон «Упадок и крах советской империи» (Мюнхен, 1993), Манфреда Хильдермайера «Советский Союз 1917-1991» (Мюнхен, 2001), и Гельмута Альтрихтера «Россия 1989 – Крах Советской империи» (Мюнхен, 2009), в немецкоговорящем пространстве я рассматриваю как первое приближение к тому, что можно назвать фундаментальным трудом.
2. В оригинале данное изречение Путина в переводе на английский звучит следующим образом: «Above all, we should acknowledge that the collapse of the Soviet Union was a major geopolitical disaster of the century. As for the Russian nation, it became a genuine drama. Tens of millions of our co-citizens and compatriots found themselves outside Russian territory. Moreover, the epidemic of disintegration infected Russia itself.» («Самое главное, мы должны признать, что крах Советского Союза стал самой большой катастрофой столетия. Что касается российской нации, распад Советского Союза стал настоящей драмой. Десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами России. Более того, эпидемия дезинтеграции пришла в саму Россию»). Источник: <http://archive.kremlin.ru/eng/text/speeches/2005/04/25/2031_type70029type82912_87086.shtml>. – См. также: Роланд Хауг – Дорога Путина – Россия на пути на Запад. Баден-Баден, 2003; он же – АО Кремль – Путин, Россия и немцы, Хозэнхайм/Штуттгарт 2007; Анна Политковская. Путинская Россия – жизнь в отсутствии демократии, Метрополитан Букс 2005; Борис Райтшустер, Владимир Путин – Куда он ведет Россию?, Берлин) См. Кристиан Випперфюрт, Внешняя политика России, Висбаден 2011.
3. См.: Кристиан Випперфюрт, Внешняя политика России, Висбаден 2011.
4. См.; Дейл Р. Херспринг (ред.), Путинская Россия – Несовершенное прошлое, неопределенное будущее, Оксфорд 2003, с. 231.
5. Ebda – с. 255.
6. Михаил Горбачев, Распад Советского Союза, Мюнхен 1992.
7. См. главу «В главном я не ошибся» и «Пусть история вынесет свой приговор», в: Михаил Горбачев, в указанном месте, с. 208-212.
8. Ebda– с. 177.
9. Ebda– с. 145.
10. Ebda– с. 72.
11. Ebda– с. 172.
12. Ebda– с. 207.
13. Ebda– с. 91 и след.
14. Ebda– с. 117.
15. Ebda– с. 118.
16. См. Ebda– с. 120.
17. См. Сергей Зайцев, Ленинизм Горбачева – Из идеологии «перестройки», Франкфурт-на-Майне 1992. Там приводятся факты, подтверждающие, что Горбачев "обращался к учению Ленина" и был приверженцем «неоленинизма». (см. с. 11)
18. Александр Яковлев, Пропасти моего столетия, в переводе Фридриха Хитцера, Лейпциг 2002, С. 34.
19. Ebda.– с. 47.
20. Ebda.– с. 42.
21. Ebda. с. 684.
22. Ebda. с. 761.
23. Ebda. с. 764.
24. Ebda. с. 8.
25. Ebda. с. 39.
26. Ebda. с. 750.
27. Ebda. с. 705.
28. Ebda. с. 704.
29. Ebda.
30. За исключением трех трудов, о которых речь пойдет ниже, необходимо назвать, что касается относящихся к данной теме произведений, появившихся после 1991г., хотя это и дефицитный материал, следующих авторов: Зигфрид Фишер. Распад военной мощи – конец советской армии, издание зарегистрированное общество Научный Форум международной безопасности, Бремен, 1992; Манфред Хильдермейер. История Советского Союза 1917-1991, Мюнхен 1998; он же, Советский Союз 1917-1991, Мюнхен 2001; Герхард и Надя Симон. Упадок и крах Советской империи, Мюнхен 1993.
31. Ульрих Друве, Распад Советского Союза – кризис и крах мировой мощи, Вайнхайм/Базель 1991.
32. Герхард Симон, Изучение Восточной Европы, распад Советского Союза и новые национальные государства, в: Из политики и современной истории, том 52-53, 1992, С. 32-38.
33. Хельмут Альтрихтер, Россия 1989 – Крах Советской империи, Мюнхен 2009.
34. См.: Ульрих Друве, в указанном месте, С. 156.
35. Ebda, С. 56.
36. Ebda, С. 52.
37. Ebda, С. 185.
38. Ebda, С. 112.
39. См.: Зигфрид Фишер, Распад военной мощи – крах Советского Союза, Бремен 1992, С. 11.
40. Ульрих Друве, в указанном месте, С. 161.
41. См.: Ebda, С. 185.

42. Ebda, со с. 185.
43. Герхард Симон, в указанном месте, С. 32-38.
44. Ebda, С. 35.
45. Ebda.
46. Ebda. С. 36.
47. Ebda. С. 37.
48. Ebda.
49. См. Ebda, со С. 37.
50. Ebda, С. 38.
51. Ebda.
52. Ebda.
53. Хельмут Альтрихтер, Россия 1989 – крах Советской империи. Мюнхен 2009.
54. См.: Ebda. С. 389-404.
55. См.: Ebda. С. 400.
56. Ebda. С. 397.
57. Ebda. С. 400.
58. Ebda.
59. Ebda.
60. Ebda, С. 401.
61. Ebda, С. 404.
62. Ebda.
63. См.: со С. 14 этого текста.
64. См.: Роберт Стрейер, Почему Советский Союз распался? – Понимание исторических перемен. Нью-Йорк, 1998., С. 9.
65. Ebda С. 9. В моем переводе с английского.
66. Ebda. С. 10.
67. Ebda. со С. 10.
68. Ebda. с. 11.
69. Ebda. со с. 7.
70. Тео Зоммер, Debate, Dewadle and Delay – Europe is Lost in Its Own Policy Maze, в: The Asia Pacific Times, том 5, № 6/7 июнь/июль 2011, С. 1.
71. См.: список островов Британской заморской территории – Wikipedia.
72. См.: стр. 15 данного текста. (При распечатывании просьба указывать соответствующий номер страницы!)